

РАЙАН ГРОДИН

РАЙАН ГРОДИН

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Coe)-44
Г86

Ryan Graudin
BLOOD FOR BLOOD

Печатается с разрешения издательства
Little, Brown and Company, New York, USA.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.
All rights reserved.

Перевод с английского *Валерии Савельевой*
Дизайн обложки *Виктории Лебедевой*

Гродин, Райан.

Г86 Кровь за кровь: [роман] / Райан Гродин; пер. с англ.
В. Савельевой — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 512 с. —
(Волк за волка).

ISBN 978-5-17-111901-0

Все борцы Сопротивления уверены — Яэль выполнила свою опасную миссию и застрелила Гитлера в прямом эфире с Бала Победителя. И лишь ей одной известно, что жертвой стал такой же как она подопытный доктора Гайера. А это значит, что девушке надо как можно скорее сообщить Райнигеру об этой ужасной подмене. Иначе вторую операцию «Валькирия» ждет такой же бесславный конец, как и первую. И все жертвы были напрасны.

Понимая, что только смерть Гитлера положит конец Новому порядку и успокоит волков на ее руке, Яэль полна решимости как можно скорее выбраться из столицы Восточно-азиатской сферы взаимного процветания. Однако и на этот раз в ее тщательно разработанный план вмешивается Лука Лёве...

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Coe)-44

© 2016 by Ryan Graudin
© В. Савельева, перевод на
русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-111901-0

КЕЙТ —
ТАЛАНТЛИВОМУ ПИСАТЕЛЮ,
НАСТОЯЩЕМУ ДРУГУ

**СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ,
ОЖИВУТ ЛИ КОСТИ СИИ?**

—ИЕЗЕКИИЛЬ 37:3

ПРЕЛЮДИЯ

**ТРИ ПОРТРЕТА
НАКАНУНЕ
РОЖДЕСТВА**

1945 ГОД

В гостиной было тесно. Комната была слишком мала для матери, трёх её детей и кривой ветви, спиленной старшим сыном взамен рождественской ели. Всюду, куда бы он ни повернулся, Феликс Вольф наткался на еловые иглы, мишуру и лица семьи. Дети с нетерпением смотрели на три скромных подарка под длинной и тонкой ветвью, дожидаясь разрешения матери.

— Только не порвите упаковочную бумагу, — напомнила она. — Нужно оставить её на следующий раз.

Мартин, как самый старший, пошёл первым. Свёрток с его подарком был самым маленьким и скрывал в себе поношенные карманные часы. Свой подарок Феликс открывал нежно, осторожно разворачивая уголки и разглаживая складки, чтобы отыскать игрушечную машинку. Не новую — с вмятиной на правой дверце и парой царапин на красной краске, — но Феликсу это было не важно. Как когда-то сказал его учитель: новые игрушки — это эгоизм, на них тратятся ресурсы, необходимые фюреру для победы в войне. Металл нужен для маузеров и пуль, а не для детских игр.

Адель порвала края упаковки. Внутри лежала кукла с жёлтыми волосами из ниток и синими пуговицами глаз со старой шёлковой блузки матери. Платье было сделано из обрезков её кобальтовой ткани, заботливо сшито маленькими узкими стежками.

Феликс сразу понял — в то самое мгновение, когда сестра замерла и уставилась на подарок, — что она расстроилась. Он всегда понимал подобные вещи.

— Я сшила ей и другие платья, — сказала мама. — Можешь каждый день менять ей наряды. И я научу тебя заплетать ей волосы в косы.

Косички самой Адель хлестнули по щекам, когда она замотала головой и оттолкнула коробку.

— *Не хочу куклу!* Почему мне нельзя машинку, как у Феликса?

Мать сжала губы. Глаза её заблестели, как бывало порой, когда она читала письма отца с фронта. От этой картины у Феликса сдавило внутренности.

— Вот. — Он подтолкнул к сестре свой подарок. — Можешь играть с моей.

Глаза Адель загорелись, она схватила машинку и принялась изображать рёв мотора, катая её по полу. Мартин увлечённо заводил часы. Феликс не совсем понимал, чем ему заняться теперь, без машинки. Но, по крайней мере, мама вновь улыбнулась и вытерла глаза, наблюдая за играющими детьми.

— Есть ещё один подарок, — объявила она.

Все трое замерли. Феликс посмотрел под «деревом», но других свёртков там не было. Вдруг им дадут апельсины? *А может быть*, маме удалось отложить немного продуктов и испечь имбирных пряников!

Мама прошла в другой конец комнаты, словно в танце огибая мятую бумагу, ноги и руки своих детей и брошенные игрушки. Она остановилась у двери в спальню и взялась за ручку. Феликс давно уже не видел такой широкой улыбки на её лице.

Дверь открылась. За порогом спальни, раскинув руки, стоял их отец. Он всё ещё был одет в военную форму, армейское кепи съехало с выгоревших на солн-

це волос, когда он опустился на колени, приветствуя детей.

Адель первой влетела в его объятия с восторженным криком «Папа!». Мартин — с собственными карманными часами, почти уже взрослый мужчина — попытался спрятать волнение за крепким рукопожатием. Феликс помедлил, наблюдая за воссоединением семьи: широко улыбающаяся мама, папа, поймавший в свои медвежьи объятия Адель и Мартина, который не особо и упирался. Сердце Феликса согрелось при виде этой картины, запылало ярче, чем угольки в печи.

Ему хотелось поймать мгновение, навсегда сохранить это чувство.

— Феликс! Мой мальчик! — улыбнулся отец. Даже с двумя детьми в объятиях, ему хватило рук, чтобы потянуться за сыном. — Ты присматривал за ними? Оберегал от бед?

Феликс кивнул, тоже обнимая папу.

Отец рассказал, что вернулся домой насовсем. Война на Восточном фронте затухала, и его присутствие в армии теперь не требовалось. Больше им не придётся прощаться.

Больше никаких прощаний. Тепло в груди Феликса вспыхнуло с новой силой. После многих лет писем с фронта — и постоянного страха, что в следующем будет известие о смерти отца — семья Вольф наконец-то воссоединилась.

II

Отец Луки был дома уже много месяцев, всё стараниями артиллерийского снаряда, который оторвал ему левую руку. В Крадшутцен, элитных мотоциклетных войсках, сыгравших ключевую роль в атаке на российский фронт, безруким водителям места не было, так что Курт Лёве был сослан обратно в Германию с серебряной медалью «За ранение» и Железным крестом второй степени. Шрамы и медали — знаки героя войны. Лука был от них в восторге.

Встреча не принесла ни объятий, ни улыбок, лишь суровый кивок со стороны отца. Позже мама Луки пояснила, что отец просто устал. (В конце концов, он шесть лет провёл на фронте). Ему всего лишь нужен отдых.

И он отдыхал. Целыми часами и даже днями сидел на стуле, бессмысленно уставившись на портрет фюрера, висящий над камином. Когда отец говорил, он не спрашивал, как дела у Луки в школе, не хвалил стряпню жены, он только вспоминал о войне. Рассказывал о бесконечных заснеженных километрах, которые преодолел на мотоцикле. О перестрелках, через которые прошёл вместе с однополчанами. Сколько советских солдат он убил или ранил. Всё во благо *«его фюрера»*.

Курт Лёве отдыхал долгими месяцами, но обещанных матерью объятий и улыбок так и не было. Даже в канун Рождества.

Члены семьи Лёве сидели вокруг маленького стола и молча ели жареного карпа. Повисшая тишина была

не радостной или священной, как во время церковной службы, а напряжённой — полной скрежета челюстей и звона вилок. Она вынуждала Луку ёрзать на стуле.

— Хватит крутиться, — пророкотал отец с противоположного конца стола.

Мать кинула на Луку многозначительный взгляд. Мальчик замер. Ему казалось, будто он сидит на хрупкой яичной скорлупе. Словно что-то вот-вот должно сломаться...

Отец вилок разрывал тушку карпа на маленькие аккуратные кусочки.

— Когда на фронте мы ходили в ночные патрули, приходилось быть тихими, что призраки. Двигаться без единого звука. Нам *приходилось*, иначе бы подстрелили.

Мать прочистила горло.

— Курт, я не уверена, что о таком стоит говорить за столом...

— Стоит говорить? — отец Луки ударил кулаком по столу. В руке он всё ещё сжимал вилку, острые зубцы её смотрели в потолок, изодранный кусок рыбы свисал с металла. — Потерять *чёртову* руку во благо Отечества, вот что даёт мне право говорить за столом о чём угодно.

Жена ему не ответила. Вместо этого она отложила вилку и посмотрела на Луку: «Не хочешь открыть подарок?»

Лука кивнул, выпрямляясь на стуле. Он несколько недель ждал этого момента. Велосипед (блестящий и красный) был его самым заветным желанием. Франц Гросс иногда позволял Луке покататься на своём. Мальчишки по очереди изображали из себя мотоциклистов Крадшутцен, воображаемые двигатели ревели,